

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ОЦЕНКА¹

Е.В. БАЛАЦКИЙ,

доктор экономических наук, профессор,
директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института
Российской академии наук, г. Москва, Россия,
e-mail: evbalatsky@inbox.ru;

Н.А. ЕКИМОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
email: n.ekimova@bk.ru

В статье предлагается альтернативный измеритель эффективности институтов – базовый индекс институционального развития (БИИР). Необходимость разработки подобного рода индикатора обусловлена субъективностью и политической ангажированностью большинства западных инструментов измерения качества институтов, а также низким уровнем доверия экспертного сообщества этим измерителям. Отличительная особенность разработанного индекса заключается в том, что он основывается исключительно на объективных данных, которые могут быть легко перепроверены экспертным сообществом. В основу построения БИИР положена идеология учета двух полярных сторон институтов – предоставляемых ими гарантий и свобод. Одновременно с этим все институты делятся на три большие группы: социальные, экономические, политические.

Осуществлена апробация БИИР в международном и национальном контекстах. Международный аспект представляет собой построение рейтинга БИИР для выборки из восьми государств мира – США, Германии, Великобритании, Белоруссии, Украины, Киргизии, Армении и России. Расчеты позволили установить наличие европейской (континентальной) и атлантической (англосаксонской) моделей институционального строительства. Показано, что все страны с переходной экономикой сначала обеспечивают основательные институциональные гарантии и лишь потом приступают к обеспечению институциональных свобод.

Ретроспективный анализ российского БИИР показал, что за последние 15 лет самые большие успехи страны были по линии повышения политиче-

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2015 год (проект РК-115070810155).

ской стабильности, в то время как главной проблемной зоной предыдущего периода развития стало закрепощение экономических институтов.

Построенный БИИР успешно прошел макроэкономическое тестирование посредством его встраивания в обобщенную производственно-институциональную модель экономического роста. Раскрыты тенденции в институциональной эффективности России, показаны сильные и слабые стороны реализованной российской институциональной модели развития национальной экономики.

Ключевые слова: индекс институционального развития; эффективность институтов; институциональные гарантии; институциональные свободы; модель экономического роста

EFFECTIVENESS OF THE RUSSIAN INSTITUTIONAL DEVELOPMENT: AN ALTERNATIVE ASSESSMENT

EVGENY BALATSKY,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Director of Macroeconomic Research Center,
Financial University under the Government of Russian Federation,
Leading Staff Scientist at Central Economics and Mathematics Institute of
Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Moscow, Russia,
e-mail: evbalatsky@inbox.ru;

NATALIA EKIMOVA,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor,
Leading Staff Scientist at Financial University under the Government of Russian
Federation, Moscow, Russia,
email: n.ekimova@bk.ru

The article proposes an alternative measure of efficiency of institutions – the base index of institutional development (BIID). The need for developing this kind of indicator is due to the subjectivity and political bias of most Western tools to measure the quality of institutions and low level of trust of the expert community to this measure. A distinctive feature of the developed index is that it is based solely on objective data that can be easily double-checked by the expert community. In the basis of BIID on the ideology of the two polar sides of institutions – they provide guarantees and freedoms. Simultaneously, all institutions are divided into three large groups: social, economic, political.

Testing of the BIID in national and international contexts is carried out. The international dimension presupposes ranking BIID for a sample of eight countries in the world – the USA, Germany, UK, Belarus, Ukraine, Kyrgyzstan, Armenia and Russia. The calculations have allowed to establish the existence of the European (continental) and Atlantic (Anglo-Saxon) models of institution building. It is shown that at first all the transition countries provide solid institutional guarantee and only then begin to bring about institutional freedoms.

A retrospective analysis of the Russian BEER showed that over the past 15 years the major advances the country had made are related with political stability improving, while the main problem area of the previous period of development has been the enslavement of economic institutions.

BIID successfully passed macroeconomic test by its embedding in a generic industrial-institutional model of economic growth. Disclosed trends in institutional effectiveness, the strengths and weaknesses of the Russian institutional model are shown.

Keywords: *index of institutional development; efficiency of institutions; institutional guarantees; institutional freedom; model of economic growth*

JEL classifications: *B52*

1. Введение: потребность в новом измерителе эффективности российских институтов

Анализ зарубежных измерительных инструментов показал, что на сегодняшний день существует достаточно большое количество различных индикаторов (рейтингов, индексов, методик), с помощью которых можно диагностировать состояние институциональной среды в разных странах мира. Однако такое большое количество предлагаемых методик порождает и определенные проблемы. Насколько качественны зарубежные измерители, адекватно ли оценивается место России в мировом сообществе, отражают ли они ключевые проблемы институционального строительства в разных странах – ответы на эти вопросы фактически определяют возможность использования предлагаемых методик в качестве оценочных инструментов и ориентиров. Немало споров вызывают они и у экспертного сообщества (*Барсукова, 2015; Булин, 2014; Кузьмин, 2008; Кухта, 2013; Лапин, 2012; Плискевич, 2014; Попов, 2006; Ухов, 2014; Шукенов, 2009; Чуркин, 2013*).

Проведенный авторами анализ широкого спектра западных методик и индикаторов, оценивающих эффективность институтов, свидетельствует, что почти все они опираются на использование *экспертных оценок*, которые в большинстве случаев содержат в себе изрядный элемент *субъективности и тенденциозности*. Данное обстоятельство проявляется в том, что позиции России в большинстве западных институциональных рейтингов занижаются, а иногда – довольно сильно. Почти во всех западных институциональных рейтингах Россия «конкурирует» с такими африканскими государствами, как Бурунди и Руанда (*Democracy Index, 2014; Worldwide Governance Indicators*). При этом данные разных рейтинговых продуктов плохо согласованы между собой. Например, китайский рейтинг модернизации (PM), который выпускается Китайской академией наук под руководством профессора Хэ Чуаньци в форме «Доклада о модернизации в Китае» (*Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае, 2011*), ставит Россию примерно на 100 мест выше, чем западные рейтинги. Так, по индексу интегрированной модернизации в 2006 году Россия находилась на 37-ом месте из 131 страны.

Примечательно, что в 2006 году Россия была отнесена PM к группе среднеразвитых стран с уровнем выше среднего: среднее значение 10 показателей ее первичной модернизации составило 97%, свидетельствуя о том, что данный период развития в стране фактически завершился, тогда как Бурунди еще даже не включилась в процесс модернизации, оставаясь на уровне традиционного аграрного общества (*Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае, 2011*).

Подобные разночтения порождают низкий уровень доверия экспертного сообщества западным инструментам измерения качества институтов. Для выяснения отношения российских экспертов к западным рейтинговым продуктам авторами был проведен опрос 22 специалистов; обработка результатов опроса позволила рассчитать индексы доверия и индексы неточности (ошибочности) нескольких наиболее популярных институциональных рейтингов (табл. 1).

Таблица 1

Индексы доверия и неточности для западных институциональных измерителей (октябрь 2015 года)

Измеритель	Индекс, %	
	Индекс доверия	Индекс неточности
1. Индикаторы качества государственного управления (Worldwide Governance Indicators) – Всемирный банк	46,3	-38,7
2. Оценка бизнес-регулируемости (Doing Business) – Всемирный банк	44,5	-9,2
3. Индекс трансформации (Transformation Index) – Bertelsmann Foundation	44,5	-31,9
4. Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) – Transparency International	42,7	-38,7
5. Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom) – «Wall Street Journal» совместно с Heritage Foundation	42,7	-45,4
6. Страны переходного периода (Nations in Transit) – Freedom House	38,2	-34,1
7. Индекс демократии (Democracy Index) – The Economist Intelligence Unit	32,7	-47,8

Из табл. 1 видно, что все семь измерителей эффективности институтов у российского экспертного сообщества вызывают откровенное недоверие. В соответствии с логикой индекса (3) его значение, не превышающее 50%, говорит о доминировании недоверия; ни один индекс не превысил данной отметки. При этом все семь измерителей эффективности институтов, по мнению российских экспертов, занижают позиции России (об этом свидетельствуют отрицательные значения индексов неточности). Таким образом, нами зафиксировано систематическое искажение результатов оценки российских институтов западными рейтинговыми агентствами. Следовательно, такая ситуация закономерным образом предполагает разработку альтернативного измерителя качества институтов. Для оценки востребованности такого нового инструмента был проведен опрос экспертов, результаты которого позволили рассчитать *индекс востребованности*, величина которого составила 82,7%. Это очень высокое значение, которое недвусмысленно говорит о наличии запроса со стороны российского экспертного сообщества в отношении более объективного измерителя институционального развития страны, который бы в более полной мере и непредвзято учитывал российскую специфику. Такой запрос продуцирует разработку «домашнего», т.е. отечественного, обобщающего показателя эффективности институтов, который мог бы выступать в качестве *альтернативной* оценки существующим западным институциональным рейтингам. Разработке такого инструмента и посвящена данная статья.

2. Идеология построения базового индекса институционального развития: дуализм институтов

Для построения работоспособного макроэкономического индикатора институционального развития страны необходимы некие исходные идеологические принципы. В данном случае мы будем конструировать *базовый индекс институционального развития* (БИИР), который представляет собой агрегированную оценку эффективности национальных институтов. При этом для нашего анализа вполне достаточно широкая трактовка институтов либо по Д. Норту, согласно которому это *правила игры* (Норт, 2010), либо по В.М. Полтеровичу, согласно которому это *нормы пове-*

дения (Полтерович, 1999). В свою очередь норма – это правило, которому следуют, могут следовать или должны следовать большие группы людей (Полтерович, 1999. С. 6). В связи с этим нам в конечном счете необходимо определить набор частных показателей, которые достаточно полно и непротиворечиво описывали бы ключевые события и сдвиги в институциональной сфере. Однако опыт показывает, что большинство институциональных индикаторов по своей сути являются разнонаправленными и отражают плохо сопрягающиеся между собой стороны общественной жизни. Такая содержательная гетерогенность показателей институциональной эффективности требует идеологического каркаса, который бы позволил упорядочить и соединить разноплановые частные показатели эффективности институтов.

В качестве такого принципа мы выбираем тезис Д. Норта о *двойственной функции институтов*, которые, с одной стороны, создают *ограничения*, а с другой – *стимулы* (Норт, 2010. С. 104). Такой подход таит в себе большие аналитические возможности. Во-первых, при рассмотрении институтов часто учитывается только аспект ограничений и упускается их стимулирующая роль или – наоборот. Например, при трансплантации прогрессивных институтов их дисфункция возникает, как правило, из-за отсутствия стимулов. Типичным примером тому может служить создание в России национальной инновационной системы, которая, будучи внешне похожа на западные образцы, не содержит в себе стимулирующих норм. И напротив, китайцы, сконструировавшие довольно примитивную хозяйственную систему семейной ответственности, создали тем самым эффективную структуру стимулов, позволившую им осуществить стремительное экономическое развитие (Норт, 2010. С. 228). Во-вторых, рассмотрение институтов в плоскости «ограничения–стимулы» позволяет выстроить диалектику их *статических* и *динамических* свойств. Это означает, что институты должны одновременно обладать двумя противоречивыми свойствами – *жесткостью* и *гибкостью* (Норт, 2010. С. 155).

С одной стороны, общественный порядок требует *устойчивости* институтов, чтобы экономические агенты могли их понять, осознать и выстроить свои действия в соответствии с ними. В противном случае непрерывная смена правил игры приведет к хаосу и разрушению социальной основы существования социума. Именно в сужении диапазона принимаемых политических решений Д. Норт усматривает одно из главных преимуществ США по сравнению с другими странами мира. Иными словами, свойство жесткости институтов играет *тактическую* роль, препятствуя росту волатильности политических и экономических решений субъектов и тем самым препятствуя «разносу» социальной системы. С другой стороны, избыточная жесткость и консервативность институтов рано или поздно приведет к стагнации системы, не позволяя ей воспринимать и внедрять прогрессивные нововведения. Следовательно, институты должны обладать некоторой гибкостью, которая позволила бы им своевременно адаптироваться к новым реалиям и вызовам, а также генерируемым внутри системы прогрессивным инновациям. В контексте данного свойства США, идущие в авангарде технологических и социальных изменений, также выгодно отличаются от многих стран мира. Тем самым свойство гибкости институтов, заключающееся в своевременном перенастраивании системы на новую траекторию развития, ответственно за общественный прогресс и играет *стратегическую* роль.

Таким образом, по-настоящему эффективные институты в *краткосрочном* периоде должны обладать свойством стабильности (жесткости), а в *долгосрочном* периоде – свойством адаптивности (гибкости). Подавляя опасные текущие поведенческие девиации, институты, тем не менее, должны постоянно эволюционировать под воздействием глобальных технологических сдвигов. При этом система институциональных ограничений ответственна за достижение краткосрочных целей, а система мотивации – долгосрочных. Такая диалектика двух составляющих институтов дает аналитический аппарат для понимания успехов и неудач разных стран и народов.

Однако тезис Д. Норты, помимо всего прочего, получил оригинальное развитие в политологической литературе. Так, к настоящему времени уже устоялась трактовка феномена демократии как некоего равновесия между двумя полярными сторонами социальной жизни – безопасностью (эффективностью управления и т.п.) и свободой (права человека и т.п.). Например, согласно концепции Д. Дзолло (D. Zolo), *политика представляет собой селективное регулирование социальных рисков*. Так, главным чувством человека, находящегося в социуме, является *страх*. В данном случае имеется в виду страх человека за собственную жизнь и жизнь своих близких, а также за свою собственность и т.п. Соответственно государство в качестве главной своей функции должно обеспечить *безопасность* своих граждан, т.е. политическая система призвана осуществить *селективное регулирование социальных рисков* и тем самым уменьшить страх людей посредством конкурентного распределения ценностей безопасности (Дзолло, 2010. С. 93). При этом политический процесс носит противоречивый характер и представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей – *личной безопасности и свободы*, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека и т.п. В современном понимании слова, которое восходит к Н. Боббио (N. Bobbio), демократия состоит как раз в обеспечении разумного равновесия между указанными полярными ценностями (Дзолло, 2010. С. 311); узкая трактовка демократии как специфической формы проведения выборов, представительного правления и организации институтов власти уже не отражает всей глубины данного понятия.

Совмещая тезис Д. Норты о том, что все институты обладают одновременно стабильностью и изменчивостью, с тезисом Н. Биббио и Д. Дзолло о том, что феномен демократических институтов представляет собой процесс нащупывания равновесия между двумя полярными сторонами социальной жизни – безопасностью (эффективностью управления и т.п.) и свободой (права человека и т.п.), получаем идеологический базис конструируемого БИИР. Дуальная модель институтов позволяет «расщепить» их функционирование на две составляющие: стабилизация отношений и адаптивность к новым вызовам современности, обеспечение безопасности личности и ее свободы, создание необходимых и достаточных условий социального прогресса, достижение тактических (краткосрочных) и стратегических (долгосрочных) целей. В структурированном виде указанный дуализм институтов представлен в табл. 2.

Таблица 2

Дуальная модель функционирования институтов

Свойство институтов	Базовый результат	Условия социального существования	Характер целей
Стабильность	Безопасность	Необходимые	Тактические
Изменчивость	Свобода	Достаточные	Стратегические

Приложение описанного выше диалектического подхода позволяет построить БИИР в виде совмещения двух функционально разных агрегатов – индекса, учитывающего базовые условия жизни (стабильность) с акцентом на базовые *гарантии*, в том числе личную безопасность, и индекса, учитывающего *возможности* (динамичность) субъектов, включая их стремление зарабатывать, выражать свое мнение, осуществлять творческие виды деятельности и т.п. Такой подход позволяет избежать односторонних оценок, присущих многим показателям, оценивающим эффективность институтов.

3. Общая архитектура базового индекса институционального развития

Как уже отмечалось, наша задача состоит в построении базового измерителя институционального климата. Это означает, что мы должны отобрать самые важные, основополагающие стороны общественной жизни, которые подвергаются количественной оценке. В основе этого принципа лежит положение о том, что *нельзя анализировать все существующие институты*, число которых теоретически и практически безгранично. Тем самым институциональное поле должно быть строго ограничено.

Конкретизация данного принципа требует учета более жесткого принципа – *принципа получения субтрактивного знания*, или принципа Н. Талеба. Его суть состоит в отказе от конструирования новых показателей и их добавления к уже имеющимся. Иными словами, акцент должен делаться на исключении из существующего массива институциональных измерителей сомнительных и избыточных показателей с сохранением лишь самых важных и репрезентативных статистических агрегатов, из которых и должен быть сконструирован новый институциональный индекс.

Для этого достаточно воспользоваться одной из типологий институтов. Например, классификация Фрейнкмана–Дашкеева–Муфтяхетдиновой распределяет все институты на четыре группы: правовые; регулирующие; институты развития человеческого капитала и институты координации и распределения рисков (Фрейнкман, Дашкеев, Муфтяхетдинова, 2009). Однако для наших целей больше подходит «традиционная» классификация, которая все институты подразделяет на политические, социальные и экономические. Данная классификация в неявном виде фигурирует у Д. Норта, а также в несколько модифицированном виде закреплена в Конституции Российской Федерации. Например, согласно ст. 28 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется комплекс свобод и прав, которые можно разнести на политические (публичные), социально-экономические и личные (гражданские). По нашему мнению, личные права и свободы граждан не целесообразно выделять в качестве самостоятельной группы, так как почти все они легко перераспределяются по политическим, социальным и экономическим институтам без потери смысловой нагрузки. Таким образом, частные показатели качества институтов должны равномерно распределяться по трем направлениям – политическому, социальному и экономическому институциональному полю.

Совмещение идеологии дуальности институтов с их трехзвенной классификацией позволяет определить общую логическую схему конструируемого БИИР (рис. 1). Таким образом, каждый тип институтов оценивается двумя типами показателей эффективности.

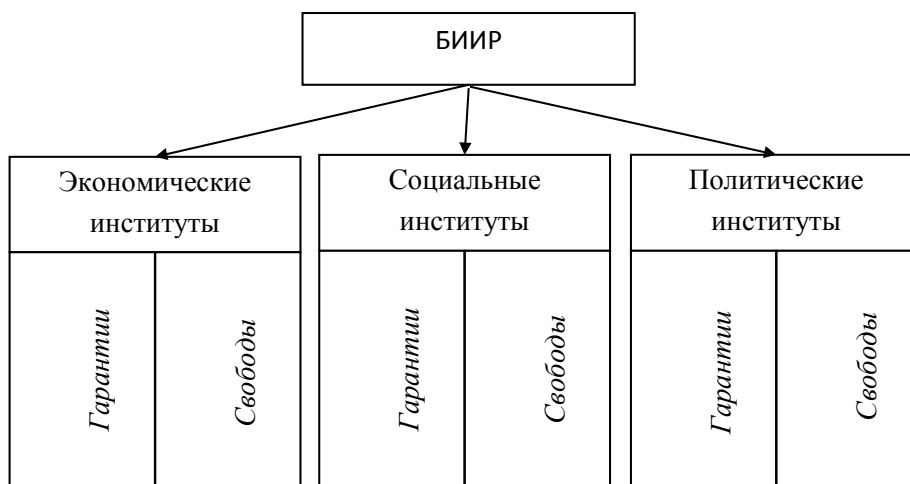

Рис. 1. Логическая схема БИИР

Использование *принципа верифицируемости* (фальсифицируемости) предполагает отказ от любых субъективных (экспертных) институциональных индексов и использование только объективных (отчетных) характеристик. Речь идет о том, что каждый частный показатель эффективности в БИИР должен базироваться на официальной информации, которая находится в открытом доступе и может быть перепроверена экспертным сообществом. Разумеется, данный принцип сильно ограничивает поле используемых агрегатов, требуя строгого соответствия каждому институциональному аспекту статистического показателя. Иными словами, *абстрактным* институциональным понятиям должны быть сопоставлены *наблюдаемые* и *статистически измеряемые* социальные явления. Только в этом случае адекватность всех количественных оценок может быть подвергнута объективной проверке, следовательно, доверие или недоверие к БИИР возникает в результате открытой экспертизы.

В соответствии с выбранной логикой и методологией построения БИИР определяются все его конкретные индикаторы, которые приведены на рис. 2. Все указанные показатели нормируются в процентах от своего максимального значения, что в дальнейшем делает возможным их агрегирование путем простого взвешивания; все весовые коэффициенты берутся равными для всех факторов и агрегатов.

БАЗОВЫЙ ИНДЕКС ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	Индекс эффективности политических институтов	<i>П1 – Индекс политической стабильности</i> П1.1 Совокупный государственный долг / ВВП, % П1.2 Коэффициент миграционного прироста, чел./10000 чел. П1.3 Население / Общее количество преступлений
		<i>П2 – Индекс политической свободы</i> П2.1 Срок правления главы государства П2.2 Число общественных организаций, партий и НКО/10000 чел. П2.3 Доля домашних хозяйств, подключенных к Интернету, %
	Индекс эффективности экономических институтов	<i>Э1 – Индекс экономической стабильности</i> Э1.1 Перепад валютного курса в течение года, % Э1.2 Инфляция, % Э1.3 Уровень безработицы, %
		<i>Э2 – Индекс экономической свободы</i> Э2.1 Индекс Джини, % Э2.2 Среднее налоговое бремя, % Э2.3 Рентабельность – ставка рефинансирования, %
	Индекс эффективности социальных институтов	<i>С1 – Индекс социальной стабильности</i> С1.1 Продолжительность жизни С1.2 Средняя зарплата / Прожиточный минимум С1.3 Средний размер начисленных пенсий / Средняя зарплата, %
		<i>С2 – Индекс социальной свободы</i> С2.1 Пенсионный возраст / Продолжительность жизни С2.2 Число поездок граждан страны за рубеж, поездок на 1000 чел. С2.3 Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, на 10000 чел. населения

Рис. 2. Факторная структура БИИР

Определенного комментария заслуживает только показатель волатильности валютного курса, который вычисляется следующим образом: $I_{BK} = (\max\{k\}/\min\{k\} - 1)100\%$, где k – обменный курс национальной валюты. Таким образом, нами учитывается зафиксированный в течение года максимальный перепад величины валютного курса.

Еще один комментарий необходим при рассмотрении срока правления главы государства, который определяется по следующей простому правилу: если фактический срок правления (T) не превышает 4 лет (т.е. срока правления президентов большинства развитых стран), то итоговый индикатор равен нулю; в противном случае он равен $T-4$.

При построении БИИР следует учитывать следующее важное обстоятельство. На первый взгляд, индекс, базирующийся на 18 показателях, кажется несколько зауженным, и можно предположить, что расширение числа входных переменных могло бы повысить объективность БИИР и его содержательную наполненность. Однако это не так. Здесь нужно учесть два важных обстоятельства.

Во-первых, расширение исходной выборки показателей, например, вдвое (до 36) приведет к их практической *необозримости*, когда пользователь уже будет не в состоянии охватить все стороны изучаемого явления и станет работать с БИИР как с «черным ящиком». По всей видимости, 18 исходных показателей – это то предельное число, которое аналитик способен эффективно использовать при институциональной диагностике. С этой точки зрения увеличение сформированной выборки показателей является нежелательным.

Во-вторых, расширение исходной выборки показателей даже на несколько новых агрегатов может привести к *потере диагностических способностей БИИР*. Это связано прежде всего с тем, что рост числа исходных показателей ведет к уменьшению весового коэффициента, что в свою очередь ведет к падению чувствительности выходного агрегата к изменениям входных переменных. В результате может возникать ситуация, когда принципиально важные сдвиги в одних показателях нивелируются противоположно направленными изменениями в менее значимых переменных, что и приводит к заторможенности БИИР. Таким образом, на определенном этапе учета информации возникает следующий парадокс: чем больше исходных показателей, тем хуже диагностические способности интегрального показателя. С этой точки зрения увеличение сформированной выборки показателей также является нежелательным.

4. Эмпирические оценки базового индекса институционального развития: международные сравнения

Разработанная методика вычисления БИИР апробирована на ряде стран за несколько лет. В этих целях нами была определена страновая выборка из восьми государств: наиболее развитые и передовые страны (США, Германия и Великобритания) и транзитивные экономики (Украина, Белоруссия, Армения и Киргизия) плюс сама Россия. Такой набор стран позволяет сравнить Россию как с лидерами мировой экономики, так и с близкими ей странами, которые образовались после распада СССР. Учитывая трудоемкость расчета БИИР, данным массивом стран можно ограничиться, сосредоточившись на уяснении самых общих институциональных закономерностей развития.

Временная ретроспектива была выбрана максимально ограниченной и составила три года – 2011–2013 включительно. Существенное расширение временных границ анализа сопряжено с сильным ростом трудозатрат, однако даже выбранных трех лет вполне достаточно для уяснения принципиальной диспозиции стран и относительной динамики их институциональных платформ. При этом 2013 год оказался самым «свежим»; на момент 2015 года более поздние статистические данные были еще недоступны.

Обобщенные данные о страновой динамике БИИР приведены в табл. 3, которая позволяет сделать ряд основополагающих выводов.

Во-первых, положение России в итоговом рейтинге было крайне неустойчивым. Например, положение США во все три года соответствовало второму месту, тогда как Россия в 2011 году заняла 4-е место, уступив только трем развитым странам, в 2012 – 5-е, а в 2013 – 6-е, пропустив вперед Украину и Киргизию. Тем самым Россия за столь короткий срок уступила позиции двум бывшим советским республикам.

Таблица 3

Значения базового индекса институционального развития

№	Страна	Год		
		2011	2012	2013
1	Германия	71,6	72,4	72,2
2	США	70,3	70,5	70,6
3	Великобритания	65,8	65,8	65,9
4	Киргизия	60,6	63,5	65,6
5	Украина	64,1	65,5	66,5
6	Россия	64,6	65,3	64,1
7	Армения	60,4	61,4	58,9
8	Белоруссия	46,2	52,6	57,9

Во-вторых, ухудшение положения России в институциональном рейтинге сопряжено не только (и не столько!) с ее институциональной деградацией, сколько с более динамичным и стабильным институциональным развитием стран-конкурентов. Расчеты показывают, что три развитые страны (США, Германия и Британия) устойчиво удерживали первые три места рейтинга и между ними отсутствовали какие-либо рокировки, тогда как настоящая конкуренция развернулась между постсоветскими экономиками. Данный факт недвусмысленно показывает, что государства бывшего социалистического блока находятся в стадии активного формирования современных рыночных институтов и на этом пути демонстрируют неодинаковые успехи.

Данные табл.3 позволяют сделать еще один важный качественный вывод относительно работоспособности построенного БИИР. Судя по всему, используемый индикатор в целом правильно отражает диспозицию стран по уровню институционального развития. Например, было бы странно, если бы страны с транзитивной экономикой обогнали развитые государства. Этого не произошло. Однако из проведенных расчетов видно, что между развитыми странами и Россией нет той пропасти, которая фиксируется большинством институциональных инструментов, используемых западными аналитиками. В этом смысле построенный БИИР не только правильно указывает место каждой страны, но и более адекватно отражает количественные различия между ними. Данное обстоятельство позволяет констатировать, что БИИР может использоваться в качестве разумной альтернативы большинства институциональных измерителей, основанных на экспертных оценках.

Для уяснения слабых и сильных институциональных сторон России рассмотрим две составляющие БИИР – агрегированный индекс гарантий (стабильности) и индекс свободы (табл. 4–5). Такое функциональное разложение БИИР позволяет более точно установить типологию институционального развития каждой страны.

Из приведенных цифр видно, что по критерию гарантий Россия была в числе лидеров. Так, в 2011–2012 годах она по этому показателю находилась на первом месте и лишь в 2013-м переместилась на 2-е место, уступив Белоруссии. Что же касается критерия предоставляемых свобод, то по нему Россия находилась среди аутсайдеров – на протяжении 2011–2013 годов она находилась по этому показателю на 7-ом месте, опережая только Белоруссию. Тем самым в России за прошедшие годы сложилась довольно своеобразная институциональная модель развития, состоящая в создании достаточно широкого объема политических, социальных и экономических гарантий путем ущемления различных видов свободы. Примечательно, что Соединенные Штаты придерживаются прямо противоположной модели развития, максимально раскрепощая политические, социальные и экономические институты и не обременяя себя избыточными гарантиями. Так, все три года США уверенно занимали первое место по индексу свободы, тогда как по индексу гарантий в 2012–2013 годах они стояли в конце списка – на 6-м месте. Тем самым Россия и США располагаются на разных полюсах типологии институциональных моделей развития.

Таблица 4

Значения агрегированного индекса стабильности (гарантий)

№	Страна	Год		
		2011	2012	2013
1	Германия	72,3	73,7	74,2
2	США	68,7	68,4	69,1
3	Великобритания	62,6	62,7	62,6
4	Киргизия	65,7	71,9	73,8
5	Украина	71,4	73,2	71,6
6	Россия	74,5	75,7	75,9
7	Армения	65,3	66,3	60,2
8	Белоруссия	54,6	68,7	77,4

В выбранной Россией модели развития есть свои достоинства и недостатки. С одной стороны, в России созданы некие базовые гарантии и ограничения, которые, судя по всему, исключают революции и другие серьезные социальные потрясения. С другой стороны, в России сдерживаются внутренние источники развития. Причем это касается творческой активности и инновационности как бизнеса и населения, так и самих органов власти. Это означает, что уже в 2011–2013 годах в России были все признаки грядущего экономического торможения, которое в полной мере проявилось в 2014–2015-м. Не исключено, что последующие годы потребуют преодоления накопленных институциональных ограничений; в противном случае перезапустить экономический рост будет действительно проблематично.

Таблица 5

Значения агрегированного индекса свободы (возможностей)

№	Страна	Год		
		2011	2012	2013
1	Германия	70,9	71,1	70,2
2	США	71,8	72,7	72,1
3	Великобритания	69,1	69,0	69,2
4	Киргизия	55,4	55,1	57,4
5	Украина	56,8	57,8	61,4
6	Россия	54,6	54,8	52,3
7	Армения	55,5	56,4	57,5
8	Белоруссия	37,8	36,6	38,5

Примечательно, что среди развитых западных стран также можно видеть разные институциональные модели развития. Например, в Германии достижения по линии безопасности больше, чем по линии свободы, тогда как в США и Великобритании ситуация в корне иная – их индексы свободы устойчиво больше индексов гарантий.

В данном контексте вполне правомерно говорить об *англосаксонской институциональной модели* развития с акцентом на предоставление максимальной свободы и о *континентальной европейской модели* с акцентом на построение базовых гарантий. Россия, как, впрочем, и все без исключения постсоветские страны, придерживается континентальной модели институционального развития.

Нельзя обойти вниманием феномен институционального развития Украины. Хотя эта страна вписывалась в континентальную европейскую модель, у нее гораздо ярче по сравнению, например, с Россией проявлялась тенденция по расширению свободы во всех сферах при их относительно неплохой сбалансированности с показателями стабильности. Это проявляется и в том, что в 2012–2013 годах Украина заняла 4-е место после развитых стран Запада по уровню БИИР, и в том, что на протяжении всех трех лет она устойчиво оставалась на 4-м месте по индексу свободы. Вообще, надо признать, что Украина в целом продемонстрировала впечатляющие успехи в деле строительства современных рыночных институтов. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что никаких *внутренних объективных причин к расколу страны*, который начался в 2014 году, *не было*. Тем самым можно смело утверждать, что *политическая нестабильность 2014–2015 годов была внешним, экзогенным, привнесенным явлением*. Практически все институциональные показатели Украины улучшались, и это создавало условия для последующего динамичного развития страны.

Между тем следует обратить внимание на одно важное обстоятельство в институциональном строительстве Украины – она имела непропорционально большой для своего этапа развития индекс политической свободы. Так, в 2011–2012 годах она по этому показателю обогнала Великобританию, а в 2013-м смогла опередить еще и США, уступая только Германии. Разразившийся в 2014 году политический кризис свидетельствует о том, что достигнутая политическая свобода на Украине оказалась явно

чрезмерной на фоне не слишком высокой эффективности экономических и социальных институтов. Все это наводит на мысль, что *опережающее развитие политических свобод чревато потерей политической стабильности*. На наш взгляд, либерализация политической системы Украины привела к политической неустойчивости, которая усугубилась внешнеполитическим давлением со стороны Запада. Таким образом, Украина дает хрестоматийный пример того, как относительно успешное институциональное развитие может иметь негативные последствия из-за асинхронности развития отдельных институциональных элементов.

Сказанное лишней раз подтверждает, что все постсоветские страны следуют правильным путем, когда начинают с достижения институциональной стабильности с последующим подтягиванием за ней институциональной свободы. Отклонение от этой генеральной линии ввергло Украину в состояние политической турбулентности и тем самым отбросило страну на много лет назад.

Полученные эмпирические результаты согласуются с современными институциональными исследованиями и, в частности, подтверждают гипотезу В.В. Попова, согласно которой успех реформ требует, прежде всего, *наличия сильных институтов, способных реализовывать принятые политические решения*; политическая либерализация на ранних этапах реформ вредна (Роров, 2014).

В соответствии с институциональной матрицей В.В. Попова, Украина и Россия с Белоруссией попадают в разные квадранты: если Россия и Белоруссия размещаются в квадранте *сильных (жестких) институтов*, то Украина – в квадранте *слабых (либеральных) институтов*. Лишь после достижения основополагающих экономических установок можно переходить к освобождению институтов и их либерализации, чтобы повысить их адаптивность и адекватность принимаемых ими решений. Однако и в этом случае необходима дополнительная диагностика страны в терминах социальной матрицы адаптивности: насколько адекватными сложившимся реалиям являются правящие элиты и население (Балацкий, 2015). Похоже, что Украина в этом смысле обладала крайне негативным историческим опытом, что придало и политической элите, и большей части ее населения излишний политический радикализм.

5. Базовый индекс институционального развития России: ретроспективные и прогнозные тенденции

Для понимания исторических особенностей институционального строительства в России необходимо осуществить анализ более длинной траектории ее развития. Это позволит уяснить истинные масштабы происходящих реформ и более четко определить вектор институциональных преобразований. В свою очередь это позволит точнее идентифицировать специфику российской модели институционального развития страны.

Важным моментом анализа является установление скорости институциональных перемен, что позволяет делать прогнозы относительно того, сколько России потребуется времени на то, чтобы приблизиться и, может быть, даже догнать развитые страны Запада по уровню эффективности действующих институтов. Тем самым изучение ретроспективы развития страны позволяет выходить на самые общие, но показательные прогнозы будущего хода событий.

Для уяснения направленности институциональных изменений в России достаточно оценить общие изменения основных институциональных агрегатов БИИР за весь период исследования. Для этого нами рассчитаны все необходимые индикаторы с 1999 по 2013 год включительно. Итоговые данные на начало и конец указанного 15-летнего периода приведены в табл.6, которая позволяет сделать ряд важных концептуальных выводов.

Таблица 6

Динамика институциональных индексов России

Показатель	Год		Прирост за 1999–2013 гг., п.п.
	1999	2013	
Индекс политической стабильности ($I_{пб}$), %	29,5	64,3	34,8
Индекс политической свободы ($I_{пс}$), %	23,4	51,6	28,2
Индекс эффективности политических институтов ($I_{п}$), %	26,4	57,9	31,5
Индекс экономической стабильности ($I_{эб}$), %	50,8	83,9	33,1
Индекс экономической свободы ($I_{эс}$), %	40,1	48,1	8,0
Индекс эффективности экономических институтов ($I_{э}$), %	45,4	66,0	20,6
Индекс социальной стабильности ($I_{сб}$), %	56,0	79,4	23,4
Индекс социальной свободы ($I_{сс}$), %	32,0	57,2	25,2
Индекс эффективности социальных институтов ($I_{с}$), %	44,0	68,3	24,3
БИИР (I), %	38,6	64,1	25,5

Во-первых, самые большие успехи страной были сделаны по линии *повышения политической стабильности*. Об этом свидетельствует тот факт, что прирост соответствующего индекса на анализируемом временном интервале был максимальным и составил огромную величину – 34,8 п.п. Данный факт представляется вполне естественным, если учесть, что приход в 2000 году к власти В.В. Путина фактически ознаменовал борьбу за управляемость страной и построение вертикали власти, которая должна была гарантировать политическую стабильность, но к концу правления Б.Н. Ельцина была в значительной мере утеряна. Серьезная поддержка выбранной линии была осуществлена при укреплении экономической стабильности – рост соответствующего индекса был также очень большим и составил 33,1 п.п. Тем самым сопряжение роста политической и экономической стабильности внесло основной вклад в институциональное развитие страны.

Во-вторых, главной проблемной зоной предыдущего периода развития стало *закрепление экономических институтов*. Об этом свидетельствует тот факт, что прирост соответствующего индекса на анализируемом временном интервале был минимальным и составил всего лишь 8 п.п. Подтверждает этот вывод и то обстоятельство, что к 2013 году величина индекса экономической свободы оказалась меньше всех остальных индексов. Давление со стороны фискальных и кредитных государственных институтов было всегда весьма сильным, что лишало российских экономических агентов необходимой свободы и инициативы. На наш взгляд, этот факт следует признать в качестве основного институционального «провала» всех предыдущих 15 лет развития. Не исключено, что этот провал был платой за довольно динамичное улучшение политической, экономической и социальной стабильности. Однако это не меняет общего результата – экономические свободы подверглись максимальному сдерживанию, что имеет очень заметное негативное влияние не только на прошлые, но и будущие темпы экономического роста. Одним из явных проявлений указанного курса стало беспрецедентное усиление государственного сектора экономики в ущерб частным хозяйственным структурам.

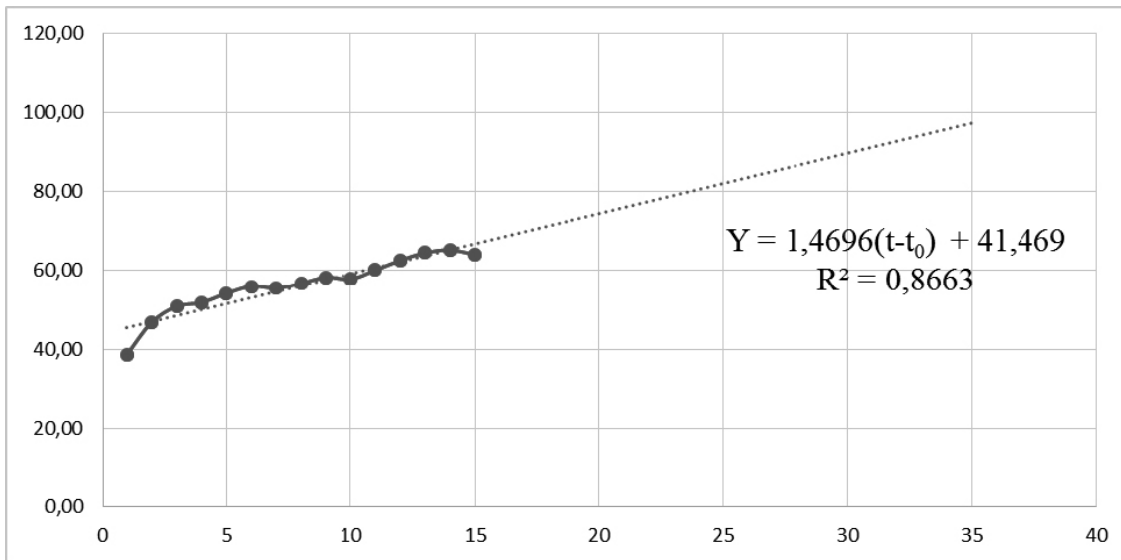

Рис. 3. Ретроспективная динамика БИИР и прогнозная линия тренда

Надо сказать, что динамика как БИИР, так и всех его составляющих настраивает на оптимистичный лад. Например, можно предположить, что сформировавшийся тренд мог бы сохраниться еще в течение многих лет, а это означает возможность достижения Россией институциональной зрелости. На рис.3 представлена фактическая динамика БИИР и вычисленная линия тренда, которая показывает потенциальные институциональные возможности страны. Прогнозные оценки показывают, что уже к 2018 году Россия была бы способна выйти на уровень БИИР передовых стран мира, а через 20 лет она могла подойти к некоему международному теоретическому пределу в эффективности построения институтов. Вместе с тем следует учесть и другие обстоятельства, которые делают такие прогнозы слишком оптимистичными.

Во-первых, данные табл. 2 показывают, что передовые страны в основном уже вышли на свой «институциональный предел» величины БИИР и уже практически не двигаются вперед. Например, БИИР Германии за три года увеличился всего лишь на 0,6 п.п., США – на 0,3, а Великобритании – вообще на 0,1 п.п. Тем самым по мере роста качества институтов скорость их совершенствования резко падает. Не исключено, что и Россия, выйдя через несколько лет на свой «институциональный предел», сбросит темпы роста БИИР и войдет в стационарный режим. Такой ход событий более чем вероятен.

Во-вторых, экономические события в России, имевшие место в 2014–2015 годы, могут переломить восходящий тренд в динамике БИИР. Это значит, что в будущем вполне возможно не просто торможение роста БИИР, но и его откровенное падение. Более чем двукратная девальвация рубля в 2014–2015 годов на фоне усилившейся рублевой инфляции снизит индекс экономической стабильности. Кроме того, ухудшаются почти все социальные параметры, что также внесет свой негативный вклад в величину БИИР. Такой сценарий развития событий также представляется весьма реалистичным.

Подводя итоги прогнозным оценкам, можно констатировать следующее. Россия в очередной раз находится на перепутье, в точке институциональной бифуркации. С одной стороны, пропасть между ней и развитыми странами мира в институциональном развитии не такая громадная, как это иногда представляется многими западными аналитиками. Более того, есть все предпосылки правильного и быстрого

устранения имеющегося отставания. С другой стороны, осложнение геополитической обстановки, экономические санкции в отношении России со стороны Запада и резко ухудшившаяся конъюнктура на рынке энергоносителей могут перечеркнуть все предыдущие завоевания страны в области институционального строительства. Какая из этих двух линий возобладает, сказать трудно. Есть все основания предполагать, что в действительности будет реализован некий «усредненный» вариант развития страны, предполагающий длительную паузу в ее институциональном прогрессе.

6. Макроэкономическое тестирование базового индекса институционального развития

Полученные с помощью БИИР выводы сами по себе интересны, однако их ценность во многом зависит от встроенности нового индикатора в общую макроэкономическую модель экономики. Сегодня принято говорить о трех игроках национальной экономики, каждый из которых описывается своим макропоказателем: наемный труд (численность занятых), капитал (инвестиции в основной капитал) и государство (качество институтов). Взаимодействие трех социальных групп в лице наемных работников, инвесторов и чиновников может описываться так называемой производственно-институциональной функцией (ПИФ), которая отличается от классических производственных функций наличием институционального фактора. На выходе взаимодействующих трех макроресурсов имеем объем национального производства – ВВП. Таким образом, тестирование БИИР сводится к построению эконометрической зависимости ПИФ, которая имела бы хорошие статистические характеристики.

При идентификации искомой эконометрической зависимости рассмотрим только одну разновидность ПИФ, которая отражает процесс сопряжения двух макроресурсов, представленный на рис. 4, и являет собой *двухфакторную ПИФ* в форме Кобба–Дугласа:

$$Y = A(K/L)^{\alpha} I^{\gamma}, \quad (1)$$

где Y – объем ВВП в соответствующем году (в ценах 2008 года); L – среднегодовая численность занятых; K – объем инвестиций в основной капитал (в ценах 1992 года); I – величина БИИР; K/L – капиталовооруженность труда; A , α и γ – параметры функции, оцениваемые эконометрически.

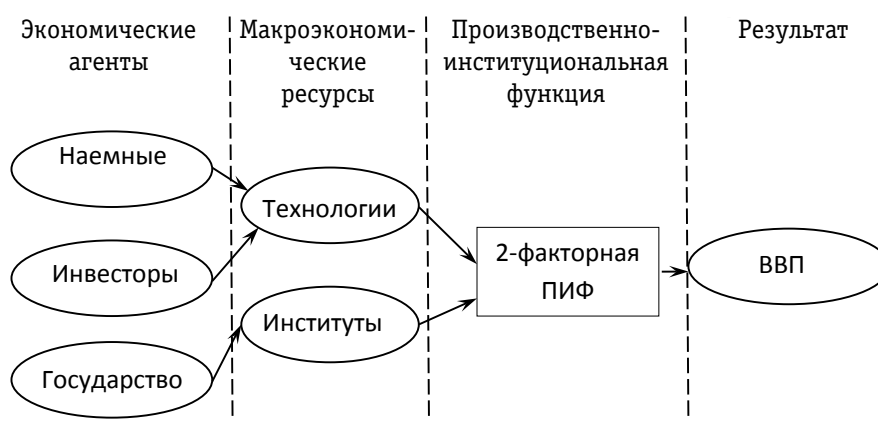

Рис. 4. Двухфакторная макро модель экономического роста

Модель (1) представляет собой простое обобщение модели Р. Солоу на случай институционального фактора. При этом показатели труда и капитала рассматриваются не отдельно, а совместно, что позволяет отразить обобщенный технологический уро-

вень производства. Тем самым ПИФ в форме (1) позволяет оценивать эффект от сопряжения *технологий* и *институтов*.

На практике использовалась логарифмическая зависимость (1):

$$\ln Y = a + \alpha \ln (K/L) + \gamma \ln I \quad (2)$$

Расчеты на данных за 2000–2013 годы позволили установить следующую зависимость:

$$\ln Y = 6,24 + 0,57 \ln (K/L) + 0,48 \ln I. \quad (3)$$

$$N = 14; R^2 = 0,981; E = 1,8\%,$$

где N – число наблюдений; R^2 – коэффициент детерминации; E – средняя ошибка аппроксимации; в скобках под коэффициентами регрессии (3) приведены величины стандартных ошибок.

Коэффициент детерминации и t -статистики модели (3) значимы, а точность аппроксимации достаточно высока. Это подтверждает вывод о том, что исходная ПИФ (1) адекватно описывает экономический рост и может использоваться в практических расчетах. Таким образом, модель (3) убедительно доказывает макроэкономическую пригодность построенного нового индикатора – БИИР.

Полученная зависимость (3) позволяет осуществить важные и интересные расчеты по оценке вклада каждого из факторов в экономический рост. Для этого достаточно переписать формулу (1) в так называемой темповой форме:

$$T_Y = \alpha T_{K/L} + \gamma T_I, \quad (4)$$

где T_Y , T_I и T_{KL} – темпы прироста ВВП, БИИР и капиталовооруженности соответственно.

Соотношение (4) позволяет оценить вклад каждого макроэкономического фактора в процесс формирования темпов экономического роста. Для этого достаточно соотнести факторную компоненту с факторной суммой в правой части уравнений.

Соответствующие расчеты по моделям (3) и (4) приведены в табл. 7, которая позволяет сделать приведенные ниже выводы.

Таблица 7

Оценка вклада макрофакторов на основе модели (3)

Показатель	Макрофактор	
	Капиталовооруженность	Институты
Параметры	0,57	0,48
Темпы роста за 2000–2013 годы, %	102,7	36,9
Вклад макрофактора, %	76,8	23,2

Во-первых, вклад институтов в создание ВВП достаточно велик и сопоставим с вкладом другого макрофактора. Попытка игнорировать данный фактор экономического роста, скорее всего, будет приводить к серьезным погрешностям. Следовательно, использование различных разновидностей ПИФ является не просто оправданным, но фактически безальтернативным.

Во-вторых, общая налоговая нагрузка в России несколько завышена относительно вклада институтов в экономический рост. Дело в том, что доля доходов консолидированного бюджета страны в ВВП колеблется в районе 30%, тогда как вклад институтов не превышает 23%. Это означает, что государство создает и поддерживает институты, которые обеспечивают вклад в ВВП меньший, чем оно изымает из созданного ВВП по-

средством налогов. Тем самым с точки зрения теории равновесия государство в России забирает больше, чем оно «зарабатывает» или, другими словами, больше, чем «заслуживает» в смысле эффективности своей работы.

Построенная модель (3) имеет двоякое значение. Во-первых, как уже было сказано, она позволила осуществить тест на макроэкономическую состоятельность БИИР. Во-вторых, она дает готовый инструментарий для последующего макроэкономического прогнозирования.

Рассмотренный выше тест отнюдь не единственный, и можно использовать, по крайней мере, еще один метод проверки адекватности построенного БИИР, основанный на выборе специальности и сферы деятельности талантливой частью общества. Этот выбор является ответом на существующую структуру вознаграждений в экономике, которая, в свою очередь, определяется качеством институциональной среды. Конкретизация этого тезиса проявляется в наличии явной положительной корреляции между долей студентов, обучающихся по естественнонаучным специальностям, и показателями качества институтов. И наоборот, имеет место отрицательная корреляция между долей студентов, обучающихся на юридических факультетах университетов, и качеством институтов (*Натхов, Полищук, 2012*).

7. Заключение: скрытые резервы

Подытоживая сказанное, хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Во-первых, расчеты показывают, что Россия, конечно же, далека от идеальной модели с развитыми институтами, однако она не настолько плоха, как это представляется западными институциональными рейтингами. Более того, 15-летнее повышательное ралли БИИР, которое проделала Россия, вывело ее на тот уровень, когда она может если и не конкурировать с развитыми странами по этому показателю, то, по крайней мере, достойно сравниваться с ними. Однако «институциональный провал» 2014 года подтвердил тот факт, что монетарные институты страны находятся в крайне плохом состоянии, и этот факт, судя по всему, будет главным сдерживающим обстоятельством будущего развития России.

Во-вторых, институциональный фактор является значимым фактором экономического роста в России; пренебречь его влиянием нельзя. В соответствии с полученными оценками, его вклад в прирост ВВП страны составляет примерно четверть. Между тем эта оценка недвусмысленно говорит и о другом – по сравнению с технологическим фактором институты являются все-таки вспомогательным ресурсом и переоценивать их роль не следует.

В-третьих, у России имеются скрытые институциональные резервы, которые могут позволить ей пройти нынешний кризис без катастрофических провалов в основных показателях. Для уяснения этих возможностей были рассмотрены два параметра – рентабельность экономики и ставка рефинансирования, а также их разница (избыточная рентабельность) и сумма (потенциальная рентабельность). Анализ показывает, что развитые страны мира отличаются более низкими процентными ставками по сравнению с постсоветскими государствами. Например, Россия в 2013 году поддерживала ставку рефинансирования, превышавшую данный параметр в США, Великобритании и Германии соответственно в 33,8, 16,5 и 14,2 раза. По этому параметру Россия уступала только Белоруссии, где наблюдались все признаки монетарного волюнтаризма. При этом неспособность постсоветских государств поддерживать низкую ставку рефинансирования отнюдь не является фатальной. Пример Киргизии, которая всего лишь за два года снизила свою ставку на 7,7 п.п., доведя ее до «разумного» уровня в 3%, убедительно говорит о том, что политикой низких процентных ставок может овладеть практически любая страна. Тем самым в настоящий момент *Россия обладает определенным регулятивным резервом в части либерализации монетарного регулирования* для поддержки экономической активности.

В-четвертых, расчеты показывают, что «потенциальная» рентабельность в России всегда была на относительно высоком уровне, превосходя по этому показателю развитые страны мира. Это означает, что либеральная корректировка монетарной политики Центрального банка страны может обеспечить работу национальной экономики на достаточно высоком уровне эффективности. Тем самым Россия, как и все постсоветские страны, обладает достаточно *большими внутренними резервами*, предоопределяющими ее высокую сопротивляемость кризисным явлениям. Учитывая, что показатель рентабельности характеризует внутренние технологические возможности экономики, а процентная ставка – стимулирующую способность институтов, институциональный фактор посредством корректировки ставки рефинансирования может стать ведущим, стимулировав рентабельность производства и вовлекая технологические резервы. Эффективно сопрягаясь, эти два фактора способны обеспечить такое развитие экономики, когда *институциональный фактор в кризисный период способен превратиться из вспомогательного в основной*.

ЛИТЕРАТУРА

Балацкий Е.В. (2015). Институциональные факторы экономического роста // *Мир России*, № 2, с. 177–188.

Барсукова С.Ю. (2015). Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом ВШЭ, 215 с.

Булин Д. (2014). Индекс свободы экономики: Россия рядом с Бурунди // *Русская служба BBC*, 14 января (http://www.bbc.com/russian/business/2014/01/140114_economic_freedom_index_2014).

Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ВШЭ, 320 с.

Кузьмин В. (2008). Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах (<http://pentagonus.ru/publ/19-1-0-822>).

Кухта П. (2013). Борьба за рейтинг Doing Business // *LB.ua*, 1 августа (http://economics.lb.ua/business/2013/08/01/216928_borba_reyting_doing_business.html).

Лапин Н.И. (2012). Человеческие измерения модернизации России в международном контексте // *Инновационная экономика*, № 5.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ВШЭ, 256 с.

Натхов Т.В., Полищук Л.И. (2012). Распределение талантов и качество институтов (http://www.civisbook.ru/files/File/Natkhov_Polishuk.pdf; дата обращения: 21.10.2015).

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) (2011) / пер. с англ., под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Издательство «Весь мир», 256 с.

Плискевич Н.М. (2014). Модернизация в России и Китае: стартовые условия и специфика государства // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 94–101.

Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, т. 35, № 2, с. 1–37.

Попов О. (2006). Американский закон «о распространении демократии» и «цветные» революции // *Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия»* (http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/01/18/amerikanskij_zakon_o_rasprostraneni_demokratii_i_cvetnye_revolucii/).

Ухов И. (2014). Рейтинг выдуманной коррупции // *Ридус. Агентство гражданской журналистики*, 5 декабря (<http://www.ridus.ru/news/173391>).

Фрейнкман Л.М., Дашкеев В.В., Муфтяхетдинова М.Р. (2009). Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой. М.: ИЭПП, 252 с.

Шукенов А. (2009). В погоне за рейтингом // *Центр деловой информации «Капитал»* (<http://kapital.kz/archive/14197/v-pogone-za-rejtingom.html>).

Чуркин В.И. (2013). Индекс экономической свободы. Анализ и рекомендации // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*, № 6–1(185), с. 28–38 (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAAahUKEwj1vIKO2LLIAhXlfHIKHT95Do0&url=http%3A%2F%2Fntv.spbstu.ru%2Ffulltext%2FE6-1.185.2013_3.PDF&usg=AFQjCNEFJf2vlgIHIALJh2VG0iQ90dnVKw&cad=rjt).

Democracy Index (2014). (<http://www.sudestada.com.uy/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf>; дата обращения: 21.10.2015).

Popov V. (2014). *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*. Oxford: Oxford University Press.

Worldwide Governance Indicators. Официальный сайт (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>; дата обращения: 21.10.2015).

REFERENCES

Balatsky E. (2015). Institutional Factors of Economic Growth. *Mir Rossii*, vol. 24, no. 2, pp. 177–188. (In Russian.)

Barsukova S. (2015). *Essays on Informal Economy, or Sixteen Shades of Grey*. Moscow: HSE Publishing House, 216 p. (In Russian.)

Bulin D. (2014). Index of economic freedom: Russia next to Burundi. *BBC Russian*, January 14 (http://www.bbc.com/russian/business/2014/01/140114_economic_freedom_index_2014). (In Russian.)

Chine modernization report outlook (2001–2010) (2011). Moscow: Ves' mir Publ., 256 p. (In Russian.)

Churkin V. (2013). The index of economic freedom. Analysis and recommendations. *Scientific-technical bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic science*, № 6–1(185), pp. 28–38 (https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAAahUKEwj1vIKO2LLIAhXlfHIKHT95Do0&url=http%3A%2F%2Fntv.spbstu.ru%2Ffulltext%2FE6-1.185.2013_3.PDF&usg=AFQjCNEFJf2vlgIHIALJh2VG0iQ90dnVKw&cad=rjt). (In Russian.)

North D.C. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. Moscow: HSE Publishing House, 256 p. (In Russian.)

Freinkman L., Dashkeev V. and Muftiahetdinova M. (2009). *Analysis of Institutional Dynamics in the Economies in Transition*. Moscow: Institute for the Economy in Transition Publ., 252 p. (In Russian.)

Kuhta P. (2013). Struggle for Doing Business. *LB.ua*, August 1 (http://economics.lb.ua/business/2013/08/01/216928_borba_reyting_doing_business.html). (In Russian.)

Kuzmin V. (2008). The U.S. role in the implementation of «color revolutions» in foreign countries (<http://pentagonus.ru/publ/19-1-0-822>). (In Russian.)

Lapin N. (2012). Human factors modernization's measuring in the international context. *Innovation economy*, no. 5. (In Russian.)

Natkhov T.V. and Polishchuk L.I. (2012). Institutions and the Allocation of Talent (http://www.civisbook.ru/files/File/Natkhov_Polishchuk.pdf). (In Russian.)

Pliskevich N. (2014). Modernization in Russia and China: the Initial Conditions and the Specific Character of States. *Social Sciences and modernity*, no. 6, pp. 94–101. (In Russian.)

Polterovich V. (1998). Institutional Traps and Economic Reforms. *Economics and mathematical methods*, vol. 35, no. 2, p. 1–37. (In Russian.)

Popov O. (2006). American law «on promoting democracy» and «colored» revolution. *Russian folk line* (http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/01/18/amerikanskij_zakon_o_rasprostranении_demokratii_i_cvetnye_revolyucii/). (In Russian.)

Shukenov A. (2009). In pursuit of ranking. *The business information centre «Capital»* (<http://kapital.kz/archive/14197/v-pogone-za-rejtingom.html>). (In Russian.)

Ukhov I. (2014). Ranking invented corruption. *Ridus. Agency of citizen journalism*, December 05 (<http://www.ridus.ru/news/173391>). (In Russian.)

Zolo D. (2010). *Democracy and Complexity. A Realist Approach.* Moscow: HSE Publishing House, 320 p. (In Russian.)

Democracy Index (2014). (<http://www.sudestada.com.uy/Content/Articles/421a313a-d58f-462e-9b24-2504a37f6b56/Democracy-index-2014.pdf>; accessed on October 21, 2015).

Попов В. (2014). *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West.* Oxford: Oxford University Press.

Worldwide Governance Indicators. Официальный сайт (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>; accessed on October 21, 2015).